

Lilia Citko

Białystok, Uniwersytet w Białymstoku

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ РЕДАКЦИИ РЫЦАРСКИХ РОМАНОВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И ИХ ОТСУТСТВУЮЩИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЗВЕНЬЯ

Old Belarusian Editions of Chivalric Romances in the Grand Duchy of Lithuania and Their Missing South Slavic Bond

ABSTRACT: The article analyzes two Old Belarusian romances – ones about Tristan and Bowo – that are a part of the 16th century Codex at the Raczyński Library in Poznań. They are Belarusian translations of Italian versions performed not from the original but from a lost Serbian text. The hypothetical existence of a text that links the Italian and Belarusian versions is indicated by the South Slavic origin vocabulary documented in the translation. The vocabulary is situated in the context with reference to proper etymological sources and the location of Balkan languages. The range of Serbian origin words found in previous studies is specified. Additionally, new examples of Balkan influences on the vocabulary in the Belarusian texts are given.

KEYWORDS: 16th century Raczyński Codex, chivalric romance, Old Belarusian translation, Italian edition, hypothetical Serbian edition, South Slavic lexis

Введение

Большую роль в появлении на землях Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) переводов памятников мировой литературы – в том числе античных и исторических текстов, западноевропейских артурианских романов – сыграло иноя-

зычное посредничество¹. Предполагается, что существовало несколько путей передачи западноевропейской литературы на земли восточных славян. По мнению белорусской эмиграционной исследовательницы З. Кипель, можно вести речь о западнославянском (польском и чешском), южнославянском, а также древнееврейском литературном посредничестве². Значительная роль в передаче литературы на славянский Восток принадлежит культурно близким южнославянским странам, главным образом, Сербии, Болгарии и Македонии. Именно из этих стран пришли на земли современной Беларуси исторические и рыцарские романы: *Александрия*, *Троя*, *Повесть о Тристане*, *Повесть о Бове*. Эта разновидность светской переводной литературы приобрела особую популярность в XV-XVII вв. Распространению исторических произведений могло способствовать наличие военно-патриотических тем в исконном жанре литературы ВКЛ – летописях³. Западные оригиналы артурианских романов на землях ВКЛ были модифицированы и адаптированы к литературным вкусам местной элиты. Благодаря этому они стали источником популяризации героизма среди шляхты, которая в Великом княжестве считалась эквивалентом западноевропейского рыцарства. Однако, в основном, внешнее усвоение рыцарских идеалов не способствовало созданию куртуазной культуры, идеалов рыцарского служения даме. Это привело к тому, что в белорусских версиях произведений тема любви стала менее важным элементом сюжета, чем проблема поединков, дуэлей, приключений и смерти рыцарей⁴. Некоторые исследователи указывают на существование неких сюжетных параллелей между произведениями артурианской литературы и исконно восточнославянской «придворной поэзией» – былинами. Анализируя киевский цикл былин Сузана Торрес Прието замечает, что былинный герой, подобно артурианскому рыцарю, всегда находится в движении. В былинах нет турниров, но герой либо отправляется на поиски своего соперника, либо находит его в пути. Мотивов для начала путешествия обычно два – защита родины и поиск невесты. В первом случае герой всегда успешно завершает свои действия, а во втором, почти всегда терпит неудачу. Поиск невесты, ее похищение или освобождение в киевском цикле оставлены второстепенным героям. Былинам не хватает интимного подхода к придворной любви, необходимого в артурианском романе, поскольку именно защита земли является главной задачей героя⁵. Пытаясь найти объяснение различиям в идеологическом резонансе романов артурианского цикла и славянских былин, следует

¹ Ср. А. Бразгуноў, *Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан... Перакладная белетрыстыка Беларусі XV-XVII стст.*, Мінск 2009, с. 13-26; А. Міхневіч, *Беларуская мова. Эцыклапедыя*, Мінск 1994, с. 148-149.

² З. Кіпель, *Беларуская перакладная літаратура XV-XVII стст. як мост паміж Усходам і Захадам*, [в:] *Беларусіка = Albaruthenica. Беларусь паміж Усходам і Захадам*, Мінск 1997, с. 175-181.

³ А. Brazgunou, *Europejski romans historyczny i rycerski w przekładach białoruskich XV-XVII wieku*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny” 2013, t. IX, s. 11.

⁴ А. Brazgunou, *Europejski romans historyczny...*, s. 22.

⁵ S. Torres Prieto, *Arthurian Literature in East Slavic*, [in:] *The Arthur of the North. The Arthurian legend in the Norse and Rus' realms*, University of Wales Press 2011, p. 3.

иметь в виду один важный социокультурный факт. Этим фактом является отсутствие в восточнославянском обществе того, что Сара Кей назвала *clerical department* (канцелярским отделом) аристократических семей⁶. В *Slavia Orthodoxa* литературная деятельность была в основном ограничена монастырями. Именно в монастырской, а не в придворной среде, как это было в *Slavia Romana*, создавались переводы и адаптации эпических произведений. В таком случае отсутствие придворной любви отражало, прежде всего, идеологию переводчика или переписчика, через которого фильтровались любые романтические элементы и который навязывал адаптированным романам христианский моралистический подход⁷.

Из истории изучения белорусских рыцарских романов

Повесть о Тристане и Изольде (так называемый белорусский *Тристан*) и повесть о Бове (*Бово*) являются наиболее презентативными образцами жанра, известного как рыцарский роман. Старобелорусские версии легенд о рыцаре Тристане и рыцаре Бове известны по единственному тексту в рукописном сборнике Библиотеки Рачинских в Познани (шифр Rkr. 94). Сборник содержит и другие произведения, а также историографические источники⁸ и документы шляхетского рода Унеховских из Новогрудчины (Беларусь), в собственности которого находился сборник В начале рукописи размещены переводы двух средневековых рыцарских романов – о Тристане (с. 1-128) и о Бове (с. 129-171) под названием-инципитом «*Починаеться повесть о витезах с книг сэрбьских, а звацца о славномь рыцэры Трысчан[е], о Анцалоте и о Бове и о иныхь многих витезах доб [рыхъ]*». Однако в тексте сборника *Повесть о Бове* упоминается под собственным названием как *Исторыя о княжати Кэвидоне* – отце Бовы. Следующим рукописным текстом в составе памятника является *Исторыя о Атыли короли угорьскомь*, представляющая собой старобелорусскую версию польского перевода *Historia spraw Atyle* (1574) Циприана Базилика, в основу которого было положено латиноязычное произведение венгерского историка и поэта Миклоша Олаха. Рыцарские романы о Тристане⁹ и о Бове представляют собой исклю-

---

⁶ S. Kay, *Courts, Clerks, and Courty Love*, [in:] *The Cambridge Companion to Medieval Romance*, Cambridge 2000, p. 85-86.

⁷ Там же.

⁸ Это *Летописец великого князства Литовского и Жмойтского*, описывающий историю Литвы от легендарных времен (прибытие в Литву во времена правления Нерона римских поселенцев – прародителей литвинов – под предводительством князя Палемона) до 1548 г., называемый Летописью Рачинских (Рачинского) или Познанским. Он представляет собой вторую редакцию (второй свод) литовско-западнорусских летописей. Более подробно о редакциях летописей Великого княжества Литовского см. работы В. А. Чемерицкого, например, В. А. Чамярыцкі, *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры (Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў)*, Мінск 1969 и др.

⁹ Белорусский *Тристан* является единственной сохранившейся славянской версией так называемого «Тристана в прозе». Существуют две более ранние версии славянского *Тристана*, написанные в стихах. Это чешские рукописи 1449 и 1483 гг., инспирированные немецкой адаптацией

чительную ценность как старейшие памятники белорусской светской литературы и одновременно как источники для изучения истории языка. Датированный 60-ми годами XVI в. познанский манускрипт содержит тексты близкие по содержанию к итальянским редакциям XV в., которые имеют свои протографы во французских источниках. Итальянский славист Санте Грачиотти¹⁰ в качестве прототипа легенды о белорусском *Тристане* указал пьесу *Tristano Veneto* 1486 г., наиболее близкую к белорусскому переводу. Он обратил внимание, что около двух третей белорусского текста основано на венецианской редакции. Эти выводы позднее подтвердила и уточнила итальянская исследовательница Емануела Згамбати¹¹, доказав, что заключительная часть белорусского *Тристана* демонстрирует влияние других редакций уже тосканской традиции, таких как *La Tavola Ritonda* или *Il Tristano Riccardiano*¹². Следы итальянского влияния в белорусском переводе *Тристана* очевидны. Наиболее ярким их выражением являются заимствования в лексическом слое языка произведения, ср. *морнаръ* ‘моряк, лодочник’ (*поедуть кожды^у у своемъ судне, и ко^жды^у будет собъ морнаръ* 20) – ит. *mariner* GDLI; *прычипъ* ‘князь’ (*И то^м службы^у пры^учипу Галишоту а де^ржалъ Запа^рные Г^ростровы* 28) – ит. *principe* GDLI; *смердодуг(а), смердодугиш* (*И пры^уде Сме^рдодуга погани^у* 114; *Таковы^у обыча^у ма^м Сме^рдодуги^у погани^у* 114) – ит. *smerdare* (*smèrdo*) ‘вульг. грязный, перепачканный, грязный дерьмом, также животных’ GDLI; *dux, ducis* ‘король; вождь, капитан’ GDLI. По мнению первых исследователей памятника¹³, старобелорусские переводы были сделаны не непосредственно с итальянского протографа, а с сербского источника. Он до сих пор не найден, но влияние южнославянской среды подтверждается наличием в языке белорусского перевода «сербских» лексических заимствований, которые ещё в XIX в. были выявлены исследователями памятника – Александром Брюкнером¹⁴ и Александром Веселовским¹⁵. Первоначально гипотеза о «сербском» посредничестве в тексте перевода

мифа о Тристане (в основном Эйлхарта из Оберга и Готфрида из Страсбурга), см. *Аповесць пра Трышчана*, [в:] А. Міхневіч, *Беларуская мова. Энциклапедыя*, Мінск 1994, с. 41.

¹⁰ S. Graciotti, *Hrvatska glagoljska književnost kao kulturni posrednik između evropskog Zapada i istočnih Slavena*, „Slovo” 1971, 21, с. 305-323; S. Graciotti, “Srpska” istorija Tristana i njegov italijansko-venetski original, „Referati i saopštenja – Naučni sastanak slavista u Vukove dane” 1979, t. 22, s. 29-43.

¹¹ E. Sgambati, *Note sul Tristano bielorusso*, “Ricerche Slavistiche” 1977-1979, № 24-26, с. 33-53.

¹² Результаты исследования Э. Згамбати были использованы З. Кипель во введении к переводу Тристана на английский язык, см. Z. Kipel, *Introduction*, [in:] *The Byelorussian Tristan*. Translated by Z. Kipel, Garland Publishing 1988, vol. 59, series B, p. XXIII.

¹³ Познанская рукопись была обнаружена и впервые описана русским и украинским славистом О. Бодянским, ср. О. Бодянский, *О поисках моих в Познанской публичной библиотеке*, «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1846, № 1, с. 3-32.

¹⁴ A. Brückner, *Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen*, “Archiv für Slavische Philologie” 1886, № IX, S. 345-391.

¹⁵ А. Веселовский, *Белорусские повести о Тристане, Бове и Амтле в Познанской рукописи конца XVI вѣка*, «Сборник Отделенія русскаго языка и словесности Императорской Академии Наук» 1888, № 44 (3), с. 126.

белорусского *Тристана* возникла исходя из названия, под которым текст легенды подается в познанской рукописи: *повесть о витезах с книгъ сэрбьских*. На основе анализа «сербских» элементов, присутствующих в лексическом составе белорусских переводов *Тристана* и *Бовы*, способов адаптации итальянских собственных имен, а также содержащихся в сюжетах элементов южнославянской культуры, А. Веселовский сделал вывод, что территорией, откуда транслировались итальянские протографы, была Далмация, главным образом Дубровник (бывшая Рагуза)¹⁶. Уверенность в существовании «сербских» переводов выражали также историки языка и литературы южных славян в XX в., например, переводчица белорусского *Тристана* на современный сербский язык Ирина Грицкат¹⁷. Исследовательницы Соня Деканич-Яноски¹⁸ и Линетт Мьюир¹⁹, подчеркивая посредническую роль сербского языка, называли белорусский *Тристан* «сербско-русским Тристаном». Позиция итальянской славистки Емануэлы Згамбати в этом вопросе неоднозначна. Исследовательница утверждает, что сербскохорватская версия романа не только не сохранилась, но и что средневековая литература этого региона вообще не знает ни одного произведения – оригинального или переводного – относящегося к циклу артурианских легенд. В то же время, однако, она подчеркивает, что следы тристановской традиции присутствуют в южнославянской культуре, свидетельством чего могут служить мотивы сербскохорватской народной поэзии, соответствующие эпизодам и персонажам из легенды о Тристане²⁰. Следует отметить, что в литературе, посвященной произведению, и в наше время достаточно часто высказывается мнение, что белорусский перевод мог быть создан непосредственно с итальянского протографа, а благоприятной средой для этого типа творчества мог быть виленский королевский двор времен королевы Боны Сфорцы²¹. Определение же «сербские книги», содержащееся в названии белорусской рукописи, касается не её языка (он был итальянским), а только происхождения с территории Сербии. Тем не менее, имеется много языковых доказательств южнославянского посредничества. Как отмечают слависты²², Сербия и Хорватия

¹⁶ А. Веселовский, *Белорусские повести о Тристане, Бове ...* с. 228.

¹⁷ I. Grickat, *Povest o Trištanu i Ižoti*, Beograd 1966.

¹⁸ S. Dekanić-Janoski, *The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolt (Povest o Trištanu i Ižoti)*, [in:] *The Tristan Legend: Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation*, Leeds 1977, p. 47-49.

¹⁹ L. Muir, *The Serbo-Russian Tristan and the French Prose Tristan*, “Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society” 1979, № XXXI, p. 217-227.

²⁰ E. Sgambati, *Il Tristano Biancorosso*, “Studia historica et philologica” 15. Sectio Slavoromanica 4, Firenze 1983, p. 10-11.

²¹ См. мнение по этому вопросу белорусских историков литературы, например: С. Кавалёў, *Літаратура Беларусі пазьяга Рэнесансу: жанры, творы, асобы*, Мінск 2005, с. 57-69; А. Brazgunou, *Europejski romans historyczny i rycerski...*, с. 28.

²² Ср. С. Грачыёці, *Пра даследаванні беларускага «Трышчана» ў Італіі*, «Беларускі Гістарычны Агляд» 2016, т. XXIII, № 1-2 (44-45), с. 145-162; В. Zieliński, *Słowiańskie drogi legendy o Tristanie i Izoldzie*, [в:] *Białoruski Tristan w zbiorach Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu*, Poznań 2018, s. 410.

сыграли роль особого транслятора в передаче западноевропейской литературы на земли восточных славян, с которыми эти страны связывает церковнославянский цикл литературной системы. Ее своеобразной чертой был переводной, в основном, характер письменности: религиозной литературы (апокрифов, агиографии, религиозной поэзии, гомилетики), сочинений с Востока и Византии (например, произведений античной тематики: *Троя*, сербская *Александрия*²³), а также западноевропейских рыцарских романов (*Тристан и Изольда*, *Повесть о Бове*). Примечательно, как подчеркивают исследователи, что эти тексты не повлияли на развитие оригинальной сербской средневековой литературы, а оставили следы только в устном творчестве, поскольку в оригинальной литературе беллетристическая проза не появилась²⁴. Аналогичная ситуация имела место и в белорусской литературе, в которой как религиозные, так и светские произведения в основном имели переводной характер²⁵.

Отсутствующие звенья – «сербские» редакции

Обзор различных мнений относительно генезиса белорусских романов позволил автору этого текста отстаивать тезис о существовании гипотетических «сербских» редакций легенд о Тристане и о Бове и аргументировать свою позицию определенными сведениями из области лингвистики. На некоторые лингвистические факты, позволяющие установить южнославянскую основу текстов, указывали уже первые исследователи познанской рукописи – А. Брюкнер и А. Веселовский. В лексическом составе перевода старобелорусского *Тристана* они идентифицировали слова, которые были определены как «сербские» заимствования. Эта группа включает в себя лексемы: *белезь* ‘знак, родимое пятно’, *нъякь* ‘слабо, слегка’, *плема* ‘род, происхождение’, *част(ь)* ‘честь, достоинство’, *кружки* наряду с чаще фиксируемым *шранки* ‘ристалище, арена’, *отокъ* одновременно с *островъ* ‘остров’²⁶.

Проверка большинства этих лексем с учетом данных современных этимологических источников в значительной степени подтвердила выводы А. Веселовского относительно их происхождения. Следует также отметить, что некоторые слова, рассматриваемые исследователем как «сербские»²⁷ заимствования, имеют

²³ Эти и другие легенды и романы средневековой хорватской прозы были опубликованы в исследовании В. Бадурини Стипчевич, ср. V. Badurina Stipčević, *Hrvatska srednjovjekovna proza. I. Legende i romani*, Zagreb 2013.

²⁴ B. Zieliński, *Słowiańskie drogi legendy o Tristanie i Izoldzie...*, с. 410.

²⁵ А. Жураўскі, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, Мінск 1967, т. 1, с. 264-269; 3. Кіпель, *Беларуская перакладная літаратура XV–XVII стст. ...*, с. 175-181.

²⁶ А. Веселовский, *Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле ...*, с. 126.

²⁷ Термин *сербский* А. Веселовский, предположительно, относит к сербскохорватскому языку. Как общий литературный язык сербов, хорватов, босняков и черногорцев сформировался он в первой половине XIX в. на основе штокавских диалектов (ср. *Большой энциклопедический словарь. Языковедение*, ред. В. Н. Ярцева, Москва 1998, с. 443). Сегодня как полицентрический язык

более широкий диапазон употребления, выходящий за рамки сербского языка. Такое утверждение стало возможным благодаря изучению языка памятников с применением методов сравнительно-исторической лингвистики и лингвистической географии. Лексический материал, зафиксированный в текстах белорусских переводов, характеризуется южнославянским происхождением, засвидетельствованным в различных балканских языках. Группа таких заимствований обнаруживается и в повести о Тристане, и в повести о Бове. Исследовательский материал, относящийся к *Тристану*, был проанализирован в статье Л. Цитко, где рассматривались следующие лексемы: *белег(ь)*, *ведоро*, *забол(ь)* / *прыбол(ь)*, *горатанскии* / *горотинскии*, *ораиш(ь)* / *ораишец(ь)*, *почтован(ь)*²⁸. Согласно словарным данным, они встречаются в сербском, хорватском, реже – в болгарском, македонском, румынском, турецком и венгерском языках.

Венгерское происхождение приписывается, например, лексеме *ораиш* (ср. серб./хорв. *or'jāš* ‘гигант, великан’ ERSJ II 565). А. Веселовский, ссылаясь на мнение Франца Миклошича и Игнатия Ягича, считает, что это слово является искаженной формой лексемы *орујаш*, которая попала в кайкавские и чакавские источники из венгерского языка²⁹.

Тезис о лексеме *ораиш* как венгерском заимствовании в сербскохорватский язык был подтвержден современными венгерскими исследователями, например, Ласло Хадровичем³⁰, который анализировал венгерско-сербские языковые контакты. При разработке этимологии венгерского *óriás* он доказал, что это слово происходит от древнерусского этнонима скандинавского происхождения (в форме мн. ч.) *варяг* : *варязи*. По аналогии с польским *olbrzym* ‘великан’ (< *olbrzym* < *obrinь*, происходящим от древнего славянского названия аваров, ср. цслав. *об(ь)ринь* ‘авар’ SEJP 389) слово *óriás* получило в венгерском языке значение ‘выделяющийся высоким ростом’. Андраш Золтан счел правдоподобной этимологию Л. Хадровича, приводя также другие примеры венгерского влияния на фонетику имен собственных, а также на лексику и фразеологию белорусского *Тристана*³¹. Основываясь на своих наблюдениях, исследователь предположил наличие венгерского посредника между итальянской и сербскохорватской версиями легенды о Тристане. Он также добавил, что такой текст мог быть создан в среде венгерских сербов, которые в XV-XVI вв. в период турецких войн поселились в Венгрии, а сербский язык стал языком переписки в венгерско-турецких дипломатических

функционирует с четырьмя взаимно понятными стандартными разновидностями: сербской, хорватской, боснийской и черногорской.

²⁸ Ср. Л. Цитко, *Jeszcze w kwestii genezy białoruskiego Tristana*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2021, t. 21, s. 109-120.

²⁹ Ср. А. Веселовский, *Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле ...*, с. 226.

³⁰ L. Hadrovics, *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*, Köln 1985.

³¹ А. Золтан, *Слова ораиш і ораишец у старабеларускай «Повесті о Трыстане»*, [в:] *Мовы Вялікага Княства Літоўскага. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Брэст, 18-19 мая 2004 г.)*, рэд. М. М. Аляхновіч, Мінск 2005, с. 11-14.

отношениях³². Трудно категорически оспаривать мнение А. Золтана, но этот «венгерский *Тристан*» был бы уже вторым (или, вернее, хронологически первым) несохранившимся звеном в цепочке редакций легенды на ее пути из Италии на земли восточных славян (современной Беларуси).

В статье отмечаются также новые лексические элементы, не рассматриваемые до сих пор в литературе, которые подтверждают балканское влияние на словарный состав белорусских трансляций. Примером может быть слово *кролиця*, соответствующее серб./ хорв. *kraljica* ‘королева’, деривату от *krâlj* ‘король, коронованный властитель’ SEJP 262. Предположительно форма с *-ro-* является результатом контаминации с формой *król, królowa*, содержащей польскую метатезную группу на месте южнославянского сочетания *-ra-*.

Анализ романа о Бове³³ подтвердил существование южнославянских заимствований также в этом тексте. Ниже приводится в выборе материал, иллюстрирующий балканское влияние на лексический состав источника. Он до сих пор не рассматривался исследователями в лингвогеографическом плане. В принципе, не упоминался также в работах, посвященных древним заимствованиям в белорусском языке. В книге Александра Бульки приводится лишь лексема *кошуба* с указанным значением ‘лань’ и контекстом из *Бовы*, происхождения которой автор однако не определяет³⁴.

Аналогичная запись относительно этого слова встречается также в ГСБМ³⁵. В данном источнике фиксируется еще лексема *родичка*, однако не в значении, соответствующем тексту романа ‘родственница’, а со значением ‘родительница, мать’³⁶.

* * *

Анализируемые ниже слова вместе с исходным контекстом из *Бовы* происходят из познанского манускрипта (Rkp. 94), сохранившего текст романа на страницах 129-171.

КОШУБА: и *то^m ча^c выбегла кошуба с края луга чере^з поле мимо шатры бли^зко, а за нею два львы* 161. Лексему следует рассматривать как результат

³² А. Золтан, *О некоторых лексических особенностях старобелорусской «Повести о Трыщане»*, [в:] *Беларусь і беларусы ў прасторы і часе. Зборнік да 75-годдзя прафесара Адама Мальдзіса*, рэд. С. Запрудскі, А. Фядута, З. Шыбека, Мінск 2007, с. 112.

³³ Необходимо отметить, что роман о Бове получил более широкое распространение на Руси, появившись там, по мнению В. Д. Кузьминой, не позднее XVI в. Сохранилось несколько редакций и около семидесяти списков *Повести о Бове*, которая на русской почве, вступая в общение со сказкой и героической былинной, изменялась и окрашивалась национальным колоритом, ср. В. Кузьмина, *Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII-XIX вв.*, [в:] *Старинная русская повесть. Статьи и исследования*, Москва-Ленинград 1941, с. 83-134.

³⁴ А. М. Булька, *Даўня запазычанні беларускай мовы*, Мінск 1972, с. 174.

³⁵ *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, Мінск 1977, рэд. А. М. Булька, т. 16, с. 77.

³⁶ *Гістарычны слоўнік...*, т. 30, с. 144.

искажения при переводе серб./хорв. формы *košuta*, словен. *košúta*, болг. *кошута* ‘лань, самка оленя’ ERHSJ II 167, Фасм II 362. Это слово часто фиксируется в основе многих южнославянских топонимов (ср. ERHSJ II 167). *Košuta* – это также название горного массива в цепи Karavánke, тянувшегося от границ между Словенией, Австрией и Италией до Хорватии.

ГОСВЕТИТИ: *бра^m Абрамо⁶, то^m бы¹ витезь велми хвале^бный, и видель своего брата ме^pтва, заб¹ к нему, мнимаючы **осветити** сме^pть брата своего* 147. Глагол засвидетельствован в значении ‘мстить’. Первоначальное значение глагола *osvetiti* (se), *osvećivati* (se) ‘освятить; наказать; отомстить; освободить’; хорв. *osveta* ‘наказание, месть, защита’ ERHSJ II 574.

ПЛЕМЕНИДА: *а племенида Дружеⁿна тое видечы ве¹ми с^a веселила* 138; *То е^{cm} мо^u мечь, дала ми его племенида Дру^{жс}неⁿна, коли ма витеземь поставила* 149; *Племенида Дружнеⁿна видела с^a людемь доброе особы про то, что м^гла тва^p хорошу* 168. Многократно отмеченное слово *племенида* – это искаженная форма серб./хорв. прилагательного *plemenit* ‘nobilis, благородный’ с суффиксом *-it* от основы *plemen*, лат. ‘gens, tribus, нация, племя’, ср. *svjek plemenita roda* (plemstvo po krvi) ‘человек благородного происхождения’ ERHSJ II 681.

ПРЫБОЛ(Ъ)³⁷: *прыбоⁿ конемь* 133. В праслав. языке слово **bosti*, **bodp* имело значение ‘колоть, ударять чем-н. острым’, в серб./хорв. *pribosti* ‘прикрепить, прибить, приколотить’ ЭССЯ 2 223. В RHSJ глагол *pribosti* засвидетельствован в переносном значении ‘побежать, понестись’ и проиллюстрирован только одним примером употребления, зарегистрированным в Далмации RHSJ XI. В тексте формы *прыбол(ъ)* имеют такую же семантику: ‘понесся’.

РОДИЧКА: *кⁿд^же С^ррыль пошоль проти⁶ Бова, жона его противь Дружнеⁿны, и рече еⁿ: **роди^чко**, што с^a тебе по^mкало?* 157. Форма *родичка* употреблена в серб./хорв. в значении слов *rodica*, *rodika*, *rodična* ‘родственница’, образованных от *rod* ‘племя, род, родство’ ERHSJ III 151.

Некоторые из приведенных выше лексем отмечаются также в тексте о Тристане, как глагол *pribosti*, в значении ‘побежать, понестись’, ср. *всель на конь и прыболъ за ни^m бо^pздо³⁸*.

Следует подчеркнуть, что рассмотренные выше слова представляют собой лишь наиболее яркие примеры южнославянских лексических заимствований в романе о Бове. Полное их описание требует углубленных исследований текста, что, предположительно, дало бы возможность уточнить их количество, а также выявить балканское влияние на другие уровни языка источника. Важно также отметить, что роман о Бове не был в полной степени использован историками белорусского языка, в том числе авторами столь существенного лексикографического источника, как *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*.

³⁷ На сербское происхождение глагола указывает также Т. М. Судник, *Повесть о Тристане в познанском сборнике XVI в.*, [в:] *Легенда о Тристане и Изольде*, Москва 1976.

³⁸ Ср. L. Citko, *Jeszcze w kwestii genezy...*, с. 114.

Заклучение

Изложенное выше, как нам представляется, удостоверяет тезис о существовании «сербских» редакций *Тристана* и *Бовы*. Приведенные результаты языкового анализа старобелорусских переводов рыцарских романов наглядно показали наличие в их лексическом составе единиц южнославянского происхождения. Проверка этой лексики по современным этимологическим источникам позволила уточнить локализацию исследованных единиц, функционирующих в сербском, хорватском, а также в других балканских языках. Результаты проведенного исследования придают достоверности существующим, более или менее убедительным, утверждениям о несохранившихся сербскохорватских версиях легенд. Именно из этих редакций, которые иногда называют «тайнственными южнославянскими посредниками» между итальянским и белорусским текстом³⁹, может происходить проанализированная лексика. Используя выводы А. Брюкнера и А. Веселовского, дополненные исследованиями литературоведов, в основном С. Грачиотти и Богуслава Зелинского, в качестве места происхождения южнославянских романов можно указать территорию Далмации. Этот регион со времен Средневековья был пространством, способствующим сосуществованию и симбиозу славянской и романской культуры. Подтверждением этому является запись-примечание в инвентарных книгах города Задар (от 1389 года), где говорится о произведениях рыцарской литературы, записанных латинским («in littera latina») и славянским («in schlavo», «in littera schlava») алфавитом⁴⁰. Определения *in schlavo* или *in littera schlava* подтверждают существование в Задаре в конце XIV в. редакций рыцарских романов, записанных славянской графикой, так называемой хорватской глаголицей. Среди них могли быть истории о Тристане и о Бове. На основе западноевропейских произведений, присутствующих в литературе региона, являющегося своего рода контактной зоной между *Slavia Romana* и *Slavia Orthodoxa*, и распространяющихся отсюда в южные и восточные страны (Сербия, Болгария, Русь), предположительно и возникли рыцарские романы о Тристане и о Бове. Южнославянские редакции этих легенд достигли также земель ВКЛ, где были созданы их старобелорусские версии.

Сокращения

болг.	– болгарский	цслав.	– церковнославянский	ит.	– итальянский
праслав.	– праславянский				
серб.	– сербский				
словен.	– словенский				
хорв.	– хорватский				

³⁹ B. Zieliński, *Słowiańskie drogi legendy o Tristanie i Izoldzie...*, с. 409.

⁴⁰ С. Грачыёці, *Пра даследаванні беларускага «Трышчана» ў Італіі...*, с. 149.

- GDLI = Battaglia S., *Grande Dizionario della lingua Italiana*, [в:] https://r.search.yahoo.com/_ylt=AwrIe3aJHNNnngIADAD0X4pQ;_ylu=Y29sbwNpcjIEcG9zAzEEdnRpZAMEc2VjA3Ny/RV=2/RE=1743098250/RO=10/RU=https%3a%2f%2fwww.gdli.it%2f/RK=2/RS=16_pbN_FBjfnKnRs8wwjV2CV1LE-
- ERHSJ = Skok P., *Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb 1971-1974.
- RHSJ = Maretić T., *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, dio XI, Zagreb 1935.
- ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, рэд. А. Жураўскі, А. Булыка, т. 1-37, Мінск 1982-2017.
- ЭССЯ = *Этимологический словарь славянских языков*, ред. О. Н. Трубачев: т. 1-31, ред. А. Ф. Журавлев: т. 32-39, Москва 1974-2014.

References

- Battaglia S., *Grande Dizionario della lingua Italiana*, [v:] https://r.search.yahoo.com/_ylt=AwrIe3aJHNNnngIADAD0X4pQ;_ylu=Y29sbwNpcjIEcG9zAzEEdnRpZAMEc2VjA3Ny/RV=2/RE=1743098250/RO=10/RU=https%3a%2f%2fwww.gdli.it%2f/RK=2/RS=16_pbN_FBjfnKnRs8wwjV2CV1LE-.
- Bodyanskiy O., *O poiskakh moikh v Poznanskoj publichnoy biblioteke*, «Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossijskikh pri Moskovskom universitete», 1846, № 1. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie*, red. V. N. Yartseva, Moskva 1998.
- Brazhunow A., *Byelaruskiya Alyeksandryya, Troya, Tryshchan... Pyerakladnaya byelyetrystyka Byelarusi XV-XVII stst.*, Minsk 2009.
- Brazgunou A., *Europejski romans historyczny i rycerski w przekladach bialoruskich XV-XVII wieku*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny” 2013, nr IX.
- Brückner A., *Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen*, “Archiv für Slavische Philologie” 1886, nr IX.
- Bulyka A. M., *Daŭnija zapazyčanni bielaruskaj movy*, Minsk 1972.
- Chamyarytski V. A., *Byelaruskiya lyetapisy yak pomniki litaratury (Uzniknyennye i litaraturnaya historyya pyershykh zvodaw)*, Minsk 1969.
- Ćitko L., *Jeszcze w kwestii genezy białoruskiego Tristana*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2021, nr 21.
- Dekanić-Janoski S., *The Serbo-Russian Romance of Tristan and Isolte (Povest o Trištanu i Ižoti)*, [in:] *The Tristan Legend: Texts from Northern and Eastern Europe in Modern English Translation*, ed. J. Hill, Leeds 1977.
- Etimologičeskiy slovar' slavyanskikh yazykov*, red. O. N. Trubachev: т. 1-31, ред. А. Ф. Zhuravlev, т. 32-39, Moskva 1974-2014.
- Graciotti S., “*Srpska istorija Tristana i njegov italijansko-venetski original*,” “Referati i saopštenja – Naučni sastanak slavista u Vukove dane” 1979, т. 22.
- Graciotti S., *Hrvatska glagoljska književnost kao kulturni posrednik između evropskog Zapada i istočnih Slavena*, “Slovo” 1971, nr 21.
- Graciotti S., *Pra daslyedavanni byelaruskaha “Tryshchana” w Italii*, «*Byelaruski Histarychny Ahlyad*» 2016, nr XXIII, 1-2 (44-45).
- Grickat I., *Povest o Trištanu i Ižoti*, Beograd 1966.

- Hadrovics L., *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*, Köln 1985.
- Historychny slownik byelaruskay movy*, red. A. Zhurawski, A. Bulyka, t. 1-37, Minsk 1982-2017.
- Karskij E., *Belorusy*, t. III. *Očerki slovesnosti belorusskogo plemeni. 2. Staraâ zapadnorusskaâ pis'mennost'*, Petrograd" 1921.
- Kavalyow S., *Litaratura Byelarusi poznyaha Renyesansu: zhanry, tvory, asoby*, Minsk 2005.
- Kay S., *Courts, Clerks, and Courtly Love*, [in:] *The Cambridge Companion to Medieval Romance*, ed. R.L. Krueger, Cambridge 2000.
- Kipel Z., *Introduction*, [in:] *The Byelorussian Tristan*. Translated by Z. Kipel, vol. 59, series B. Garland Library of Medieval Literature, Garland Publishing 1988.
- Kipyel' Z., *Byelaruskaya pyerakladnaya litaratura XV-XVII stst. yak most pamizh Uskhodam i Zakhadam*, [v:] *Byelarusika = Albaruthenica. Byelarus' pamizh Uskhodam i Zakhadam*, Minsk 1997.
- Kipiél Z., *Bielaruskaja pierakladnaja litaratura XV-XVII stst. jak most pamiž Uschodam i Zachadam*, [v:] *Biellarusika = Albaruthenica. Biellarus' pamiž Uschodam i Zachadam*, red. U. Konan, A. Małdzis, H. Cychun, Minsk 1997.
- Kuz'mina V., *Povest' o Bove-koroleviche v russkoy rukopisnoy traditsii XVII-XIX vv.*, [v:] *Starinnaya russkaya povest'. Stat'i i issledovaniya*, red. N. K. Gudzij, Moskva – Leningrad 1941.
- Maretić T., *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, dio XI, Zagreb 1935.
- Mikhnyevid A., *Byelaruskaya mova. Entsyklapyedyya*, Minsk 1994.
- Muir L., *The Serbo-Russian Tristan and the French Prose Tristan*, "Bibliographical Bulletin of the International Arthurian Society" 1979, t. XXXI.
- Rkp. 94 = rękopiśmienny kodeks XVI wieku w zbiorach Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu. RKSS = Daničić Đ., *Rječnik iz književnih starina srpskih*, t. 1. A-K, Biograd 1863.
- Sgambati E., *Il Tristano Biancorusso*. *Studia historica et philologica* 15. Sectio Slavoromanica 4. Firenze 1983.
- Sgambati E., *Note sul Tristano bielorusso*, "Ricerche Slavistiche" 1977-1979, nr 24-26.
- Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, Zagreb 1971-1974.
- Stipčević V. B., *Hrvatska srednjovjekovna proza. I. Legende i romani*, Priredila i transkribirala Stipčević, Vesna B., Zagreb 2013.
- Sudnik T. M., *Povest' o Tryshchane v poznanskom sbornike XVI v.*, [v:] *Legenda o Tristane i Izol'de*, Moskva 1976.
- Torres Prieto S., *Arthurian Literature in East Slavic*, [in:] *The Arthur of the North. The Arthurian legend in the Norse and Rus' realms*, ed. M.E. Kalinke, [v:] https://www.academia.edu/2848222/Arthurian_literature_in_East_Slavic.
- Veselovskiy A., *Belorusskiye povesti o Tristane, Bove i Attile v Poznanskoj rukopisi kontsa XVI veka*, «Sbornik Otdeleniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk» 1888, t. 44 (3).
- Zhurawski A., *Historyya byelaruskay litaraturnay movy*, t. 1, Minsk 1967.
- Zieliński B., *Słowiańskie drogi legendy o Tristanie i Izoldzie*, [w:] *Białoruski Tristan w zbiorach Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu*, Opracowanie i przekład Lilia Citko, Poznań 2018.
- Zoltan A., *Slova oraš i orašiec u starabielaruskaj «Poviestu o Tryščane»*, [v:] *Movy Vyalikaha Knyastva Litovskaha. Materyaly IV Mizhnarodnay navukovay kanfyerentsyi (Brest, 18-19 maja 2004 h.)*, red. M. M. Aliachnovich, Minsk 2005.

Zoltan A., *O niekotorych lieksučieskuch osobiennostiach starobielorusskoj «Poviesti o Tryščane»*, [v:] *Byelarus' i byelarusy w prastory i chasye. Zbornik da 75-hoddzja prafyesara Adama Mal'dzisa*, red. S. Zaprudski, A. Fyaduta, Z. Shybyeka, Minsk 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Lilia Citko – prof. dr hab., kierownik Katedry Językoznawstwa Sławistycznego Uniwersytetu w Białymstoku, językoznawczyni, slawistka. **Najważniejsze publikacje: monografie:** *Nazewnictwo osobowe północnego Podlasia w XVI wieku*, Białystok 2001; „*Kronika Bychowca*” *na tle historii i geografii języka białoruskiego*, Białystok 2006; *Piśmiennictwo i nazewnictwo starobiałoruskie na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Wybrane problemy*, Białystok 2019. **Edycje krytyczne źródeł:** *Słownik cerkiewnosłowiańsko-polski* (redakcja naukowa i wstęp do reedycji słownika wydanego w 1722 r. przez oficynę bazyliąską w Supraślu), Białystok 2012; *Białoruski Tristan. Rękopis ze zbiorów Biblioteki Raczyńskich w Poznaniu*, opracowanie i przekład: Lilia Citko, Poznań 2018.

ORCID: 0000-0002-8340-4814

Email: l.citko@uwb.edu.plw